

НАРОДНЫЙ ОПЫТ И ТВОРЧЕСТВО

В последние несколько лет мне много приходилось бывать в сельских районах Сибири, да и не только Сибири.

В новостях недостатка нет ни где: повсюду вам расскажут о небывальных успехах механизаторов, о новом строительстве, о людях, приехавших в деревню из городов. Между прочим, в каждом районе обязательно кто-нибудь замечает:

— Есть у нас опытник, так сказать, свой доморощенный Мичурин — Петров Иван Иванович. Не хотите ли побывать у него?

Повстречавшись с опытником и пореживая при этом такое чувство, словно вы стали мальчиком, которому взрослый и мудрый человек рассказывает увлекательные вещи из жизни растений и требует, чтобы вы не только все поняли, но и всему поверили, вы торопливо заносите в свой блокнот множество заметок, потому что придется поддержать опытника.

А как же нужно помочь опытнику, чем его поддержать? Чего, собственно, добывает такой человек, кему стремится? Может быть, он имеет учченую степень? Мне доводилось встречать немало опытников, у которых по достижениям практических результатам, по проникновенному пониманию природы растений есть, чему поучиться и кандидатам и докторам наук, но тем не менее никогда еще я не встречал опытника-самоучки, жаждущего снискать степень.

Поддержать опытника — это прежде всего продвинуть его достижения в производство — на полях совхозов колхозов. Если результаты вашего труда не только признаны на словах, а служат для действительной пользы народа, тогда чего вы можете еще желать? Все остальное придется само собой — почет,уважение, добре имя.

И вот на такой-то поддержке опытника есть необходимость поставить вопрос, имея в виду некоторые конкретные факты, живых людей.

По каменистой улице поселка Екатериновка, что в Третьяковском районе, Алтайского края, быстро идет старик. Идет он, согнувшись в пояснице почти под прямым углом, со звоном ударяя тяжелой металлической тростью о землю. На первом взгляде человек этот кажется немолодым, очень суровым. А на самом деле?

Прежде всего — это прошлое это учителя, старый учитель, и, значит, немолодость его может быть только внешней. Распространяя колхозников, вы узнаете еще, что, когда этот человек был директором местной школы-семилетки, чуть ли не все ученики — 120 человек! — очень активно работали в кружке юннатов, что десятки агроомов выплыли впоследствии из этих учеников, что весь кружок юннатов, а, по сути дела, вся школа была участницей ВСХВ еще до войны. Еще узнаете вы, что теперь Иван Самойлович Тихоненко — рядовой колхозник. Он вступил в колхоз, чтобы посвятить себя любимому делу.

Что же сделал Иван Самойлович в колхозе имени Сталина? Много и плодотворно работал он в клубничном подсолнечниковом, который возник от скрещивания подсолнечника с томатом. В течение 20 лет возделывал он многоярусный многостручковый лук, замечательное растение, на стrelках которого в нескольких этажах размещается «воздушные» луковицы. Этот лук выносит климат Заполярье, очень любит витамин С и дает урожай до 600—700 центнеров с гектара.

Но самой большой работой опытника было создание нового сорта эспарцета. Предгорные земли колхоза, которым он работает, частично подвергаются засухам, большие уклоны способствуют быстрому стеканию осадков.

Под щипцами здесь отводятся лучшие земли, лугов же почти нет. Овса и многолетние травы давали очень низкие урожаи, из года в год хозяйством испытывалось острой недостаток кормов.

И вот Иван Самойлович скрестил дикорастущий эспарцет с культурными формами. Опыление произошло прямо в стели, для этого кисть культурного эспарцета переносилась Иваном Самойловичем и его учениками на многие километры. Были опылены тысячи цветов, а получено только 62 гибридных зерна. После первой зимовки осталось 30 растений, остальные вымерли.

Прошло несколько лет упорной работы, прежде чем появился новый сорт эспарцета, который дает урожай сена 50—60 центнеров с гектара и семян 10—12 центнеров. Семена эти, как хорошо поселяются скотом, что колхозные кони прозвали «многолистным осеном».

С 1952 года сорт, выведенный Тихоненко, районирован для станиной и лесостепной частей Алтайского края.

Иван Самойлович хорошо знает в крае, он выступает с лекциями перед студентами Алтайского сельскохозяйственного института, о нем пишут работы. Краевые организации не раз представляли его в наградах и поощрениях, которыми отмечают в нашей стране заслуги тружеников.

Но... безординально. И дело даже не в поощрениях опытника, а в том, что новый сорт вопрос здравому смыслу в министерских комиссиях не признается за сорт и к семеноводческому колхозу все еще сдается семена, как несортовые, теряя сотни тысяч рублей ежегодно.

Как же это могло случиться, если сорт прошел официальные испытания и рекомендован для огромной площади?

Дело в том, что опытник назвал свой сорт «Гибрид Тихоненко». И официальные ответы из министерства гласят: «Раз ваш сорт гибрид, — значит, он не сорт!»

Странно? Еще бы! Очень странно! Металлорг Дмитрий Мартининович Чубылин почти тридцать лет живет в Заполярье и все это время несет опыты по выращиванию сельскохозяйственных культур.

Недавно я писал о нем очерк для одного из наших журналов, но хотелось вернуться к деятельности этого человека еще раз.

Всем известен сорняк «чиртка», или, как его еще называют, «ченжинка». Так вот Дмитрий Мартининович открыл кругу как новую масличную культуру. Дегустационная комиссия Салехардского горсовета комбината засвидетельствовала, что приготовленные на этом масле горчицы по своим вкусовым качествам стоят наравне со шпротами. Анализ масла ярко-

С совершенным почтением директор письма

Сергей ЗАЛЫГИН

томника Мичурина, 13 августа 1926 г. г. Козлов.

Мужчин-лесовод, ныне пенсионер Николай Михайлович Фельдман прочел в книге «Декоративное садоводство», что «акация белая северная выведена И. В. Мичуриным в 1900 г. Отличается выдающейся зимостойкостью... Цветет обильно крупными, очень душистыми цветами. Рекомендуется для парковых аллей в ср. зоне европейской части СССР». И еще он узнал из той же книги, что эта «...редкая декоративная порода в ливийском виде встречается в Уссурийско-Амурскойтайге».

Вспомнился старый лесовод. Изучая леса Дальнего Востока 16 лет, он никогда не встречал ни одного экземпляра белой акации. Но если все-таки она произрастает в местных условиях, так это как раз то растение, которым он и мечтал озеленить улицы, скверы, приусадебные участки родного Бабаевска. Именно эту задачу поставил он перед собой, работая на своем присадебном участке в 10—12, а благоприятные годы в 20—25 центнерах с гектара.

Можно и дальше перечислять достижения полярного опытника, но прежде спросим: как его достижения растений есть, чему поучиться и кандидатам и докторам наук, но тем не менее никогда еще я не встречал опытника-самоучки, жаждущего снискать степень.

И Николай Михайлович пишет директому Мичуринскому института:

«Считая вчерашний вам институт вос приемником наследства И. В. Мичурина, я прошу вас не отказать мне в присыпке 10 саженцев указанной акации... прими рекомендации по посадке уходу... Если вы не сможете выполнить мою просьбу, то я прошу вас сообщить мне адрес института, где возможно получить саженцы белой акации северной».

Ирина Михайловна пишет директому: «Мой опыт растениеводства в Заполярье; еще до войны Дмитрий Мартининович был награжден большой золотой медалью ВСХВ, награжден орденом.

Правительство награждает Чубылина, отмечает его заслуги, пользу его многострунного труда, а вот на месте опытнику не только не помогают, но часто препятствуют.

Что стоит тот факт, что до сих пор

Д. М. Чубылин не имеет постоянного участка для опытов? То его приютят совхоз, то — опытная станция, то приходителя

были еще не помогают, но часто препятствуют.

И вот на полях сорта «Чиртка» в соревновании с другими сортами, —

— почему вы называли свой ячмень «салехардским»? Какие для этого у вас были основания?

— Почему вы считаете, что ваш картофель «клон-1822» лучше других сортов? — Считаете ли вы себя компетентным в вопросах биологии?

И дальше, таком же духе...

Факт необыкновенный — учёные, вместо чтобы оказать помощь новатору, пристрастно донирают его... Иной, пробыв три-четыре года на севере и собрав материал для диссертации, заканчивает на этом исследования в Заполярье и обводится дамкой под Москвой... Чубылин же в Салехарде не в гости, а у себя дома. За 28 лет опытной работы он не испытывал ни своих опыта ни конфликта по отношению к ним.

И дальше, таком же духе...

Мы действительно близки к тому времени, о котором говорил Мичурин: «Мечтаю о том времени, когда сыны народов, колхозники, с помощью науки будут создавать приспособленные для каждого района и для каждого колхоза свои собственные сорта».

Землевладелец всего мира многим обязан русской науке.

И безвестных землемеров и великих

ученых нашей страны занимались опытники, на которых впервые были основаны специальности для того, чтобы показать, как не надо относиться к опытникам, — даже они рассказывают о размахе опытничества в нашей стране.

Разве не об этом размахе говорит то, что на собеседование о новом сорте томатов учащийся Корнеев получил 3000 писем? Что Иван Самойлович Тихоненко в его работе помогли сортины никольников? Что полярный землемер Чубылин находится по следователем в горах Памира?

Мы действительно близки к тому времени, о котором говорил Мичурин: «Мечтаю о том времени, когда сыны народов, колхозники, с помощью науки будут создавать приспособленные для каждого района и для каждого колхоза свои собственные сорта».

Землевладелец всего мира многим обязан русской науке.

И дальше, таком же духе...

Что стоит такое отношение к нашему опытнику?

Может быть, это связано с тем, что

при наличии огромной армии работников этих учреждений нет необходимости поддерживать отдельных опытников, которых напоминают нам иногда кустарей-одиночек, часто не имеющих достаточного образования, средств, оборудования?

Нет, это не так. Работа опытника — творческая работа, а мы бережно относимся ко всякому творчеству, но своему содержанию направленному на благо нашего государства, в какой бы форме оно ни проявлялось. Как бы ни возрастало у нас число опытных учреждений, опытников всегда будет больше, развитие опытничества охватывает все возрастающую культуру людей, их новые духовные запросы, которые выражаются в стремлении отыскать новые пути к изобилию. Это движение никогда не потеряет своего значения именно в силу своей массовости, оно способно охватить каждый район и, как мечтает И. В. Мичурин, каждый колхоз, — это, на мой взгляд, особенно важно потому, что опытники-новаторы применяют агротехнику не вообще, не наоборот, а с учетом особенностей своей зоны. Недаром Мичурин приводит обращения к нему слово: «М. И. Калинина: «Колхозы, Иван Владимирович, как только они окрепнут организационно и хозяйственно, — станут не только базой для применения естествознания, но и его мощным двигателем».

Из Керчи А. В. Болтин сообщает Корнееву: «Ваш томаты плоды дали много и крупных, удивительно в них мало саженей, а правой он все еще перетаскивает на свой участок с томатами из сорта «Краснодарский». Отдельные плоды достигали 700 граммов».

Из Бахчисарая А. Я. Кирин пишет: «Ваш помидоры очень мне понравились. Отдельные плоды достигали 700 граммов».

Из Одессы М. А. Гулевич сообщает: «Среди 12 сортов помидоров, которые я выращивал, ваш сорт по величине плодов превзошел все остальные».

3.000 испытаний выдержали «корнеевские помидоры! Но кончились ли на этом испытания самого Корнеева? Теперь он занимается селекцией других сортов помидоров и томатов: так называли новый сорт местные жители.

Этот факт известен, дважды о нем писал журнал «Сад и город». Опытник Корнеев получил более 3.000 писем из различных уголков нашей страны и из стран народов мира, в которых ему говорят: «Спасибо за ваш сорт томатов».

Уже в 1947 году в нашей стране было сдано свыше 7.000 опытных сельскохозяйственных учреждений.

Может быть, кто-то подумает, что при наличии огромной армии работников этих учреждений нет необходимости поддерживать отдельных опытников, которых напоминают нам иногда кустарей-одиночек, часто не имеющих достаточного образования, средств, оборудования?

Нет, это не так. Работа опытника — творческая работа, а мы бережно относимся ко всякому творчеству, но своему содержанию направленному на благо нашего государства, в какой бы форме оно ни проявлялось. Как бы ни возрастало у нас число опытных учреждений, опытников всегда будет больше, развитие опытничества охватывает все возрастающую культуру людей, их новые духовные запросы, которые выражаются в стремлении отыскать новые пути к изобилию. Это движение никогда не потеряет своего значения именно в силу своей массовости, оно способно охватить каждый район и, как мечтает И. В. Мичурин, каждый колхоз, — это, на мой взгляд, особенно важно потому, что опытники-новаторы применяют агротехнику не вообще, не наоборот, а с учетом особенностей своей зоны. Недаром Мичурин приводит обращения к нему слово: «М. И. Калинина: «Колхозы, Иван Владимирович, как только они окрепнут организационно и хозяйственно, — станут не только базой для применения естествознания, но и его мощным двигателем».

Из Керчи А. В. Болтин сообщает Корнееву: «Ваш томаты плоды дали много и крупных, удивительно в них мало саженей, а правой он все еще перетаскивает на свой участок с томатами из сорта «Краснодарский». Отдельные плоды достигали 700 граммов».

Из Одессы М. А. Гулевич сообщает: «Среди 12 сортов помидоров, которые я выращивал, ваш сорт по величине плодов превзошел все остальные».

3.000 испытаний выдержали «корнеевские помидоры! Но кончились ли на этом испытания самого Корнеева? Теперь он занимается селекцией других сортов помидоров и томатов: так называли новый сорт местные жители.

Этот факт известен, дважды о нем писал журнал «Сад и город». Опытник Корнеев получил более 3.000 писем из различных уголков нашей страны и из стран народов мира, в которых ему говорят: «Спасибо за ваш сорт томатов».

Уже в 1947 году в нашей стране было сдано свыше 7.000 опытных сельскохозяйственных учреждений.

Может быть, кто-то подумает, что при наличии огромной армии работников этих учреждений нет необходимости поддерживать отдельных опытников, которых напоминают нам иногда кустарей-одиночек, часто не имеющих достаточного образования, средств, оборудования?

Нет, это не так. Работа опытника — творческая работа, а мы бережно относимся ко всякому творчеству, но своему содержанию направленному на благо нашего государства, в какой бы форме оно ни проявлялось. Как бы ни возрастало у нас число опытных учреждений, опытников всегда будет больше, развитие опытничества охватывает все возрастающую культуру людей, их новые духовные запросы, которые выражаются в стремлении отыскать новые пути к изобилию. Это движение никогда не потеряет своего значения именно в силу своей массовости, оно способно охватить каждый район и, как мечтает И. В. Мичурин, каждый колхоз, — это, на мой взгляд, особенно важно потому, что опытники-новаторы применяют агротехнику не вообще, не наоборот, а с учетом особенностей своей зоны. Недаром Мичурин приводит обращения к нему слово: «М. И. Калинина: «Колхозы, Иван Владимирович, как только они окрепнут организационно и хозяйственно, — станут не только базой для применения естествознания, но и его мощным двигателем».

Из Керчи А. В. Болтин сообщает Корнееву: «Ваш томаты плоды дали много и крупных, удивительно в них мало саженей, а правой он все еще перетаскивает на свой участок с томатами из сорта «Краснодарский». Отдельные плоды достигали 700 граммов».

Из Одессы М. А. Гулевич сообщает: «Среди 12 сортов помидоров, которые я выращивал, ваш сорт по величине плодов превзошел все остальные».

3.000 испытаний выдержали «корнеевские помидоры! Но кончились ли на этом испытания самого Корнеева? Теперь он занимается селекцией других сортов помидоров и томатов: так называли новый сорт местные жители.

Этот факт известен, дважды о нем писал журнал «Сад и город». Опытник Корнеев получил более 3.000 писем из различных уголков нашей страны и из стран народов мира, в которых ему говорят: «Спасибо за ваш сорт томатов».

Уже в 194

Первая книга

Недавно прочитанное...

РУКОПИСЬ И ЕЕ ИЗДАНИЕ

Н. АСАНОВ

Я — не критик. То, что я здесь пишу, никак не критическая статья. В данном случае я и вовсе не отважилась бы на нее, поскольку речь идет о литературоведческой работе. Просто мне хочется поделиться впечатлениями от книги З. Паперной «О мастерстве Маяковского». Начну с того, что она хорошо написана.

Увлекаемая интригой, я чуть было не сказала: «Пописана прости, безыскусственным языком», но — времена сплохнули. Дело в том, что у нас часто эти эпитетами прикрывают слабость, тускльность, упрощенность. Определение «безыскусственный» порой расшифровывается как «малоискусственный», бледный.

Работа З. Паперной написана «искусно»: интересно и просто, доступно всем, без научнозадач. Наряду с профессиональным умением чувствуется скрытая страстью первой книги, какой она является. Это качество драгоценное для каждого литератора.

З. Паперный любит творчество Маяковского ласковой, доброй любознательностью, добрым по отношению к другим поэтам. Отдавая должное лучшему, талантливейшему поэту нашей советской эпохи, З. Паперный не старается узурпировать других представителей советской поэзии, как это делали иные. Еще Баратынский писал о таких, какий «смертицу, чтобы живых задеть кадилом».

З. Паперный детально конкретно анализирует динамический, развивающийся ритм Маяковского, ритм, идущий в ритме с развитием сюжета и обогащением целого ряда произведений наших поэтов: «Главную улицу» Д. Бедного, «Альмань» А. Жарова, «Зюй» М. Алигер и многие другие, первыеческие автором.

«Завоеванный» Маяковским открывает широкую дорогу для всех советских поэтов», — пишет З. Паперный и доказывает это на выхватывании какой-то одной строчки, а разбором всего стихотворения в целом. Убедительным тому примером может служить сопоставление «Письма к любимой Молчановой...» Маяковского и «Молодого поэтика» Исааковского. Правда, таких примеров в книге могло бы быть больше.

З. Паперный убедительно раскрывает связь Маяковского с его учителями-предшественниками, приводит ряд доказательств того, что «реформа» Маяковского в области рифмы, так же как и в области ритма, была подогружена всем опытом русской классической поэзии, поэтической работы Радищева, Державина, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова и многих других».

В полном соответствии с действительностью, Маяковский предстает перед нами не своего рода феноменом, возникшим из ниоткуда и ледущим за собой лишь небольшую группу «избранных». Показан путь, лежащий позади Маяковского и приведший его к славе властителя дум нашей эпохи, и показано его неуважаемое долголетие в будущем.

В своей книге З. Паперный касается вопросов рифмы, ритма, языка, образа и всего того, что образует творческое «хозяйство» поэта. Поройно, интересно, увлекательно, с привлечением богатого материала, пишет он о народности Маяковского.

С «народом-языковедом» поэта роднит «подход к стиху, как к «слышимой позиции», к рифме — как к «слышимому слову...», — читаем в книге. «Захочешь заменить или переставить хоть одно слово, хоть одну рифму — ничего не получится. В стихах Маяковского, как в народной пословице, как в песне, — стихов не выкинем».

Алексей Толстой в своем (увы, незаконченном) романе «Егор Абзов» устами одного эстафета так излагает края «сторонников» «чистого искусства»: «...вся Россия — это «что», а мы — это «как».

Трудно сказать, более коротко и более точно. В нескольких этих строках вскрыта вся антинародная сущность формализма, от которого так далек был Маяковский. Его работа над формой, конечно, не имеет ничего общего со словесной волной Хлебникова, Бурлюка, Крученых. «Его поэзия — разговор с народом, с землей, с будущим, с нашим сегодня и нашим завтра», — пишет З. Паперный на одной из страниц, заключающих книгу.

Вкратце, самым белым образом я расскажу о книге, после которой мне сразу же захотелось работать самой: важный признак. И думается мне, что мои товарищи поэты с таким же интересом прочтут «О мастерстве Маяковского», каким прочитала я эту книгу.

Вера ИНБЕР

С чувством меры

Что подкупает с первых же строк в небольшом сборнике рассказов молодого писателя М. Коршунова «Ясные криницы»?

Прежде всего то, что радует в каждой первой книге молодого литератора — свое видение мира, свой собственный поэтический голос. В книге М. Коршунова ярко проявилось ощущение полноценной жизни, ясности и чистоты ее восприятия, чувство юмора. И, самое главное, живые, близкие, всем понятные образы людей — будь то маленький Андрия, удящий рыбу со стула, или подлеца-невопада колхозинцем старый дед из колхоза «Ясные криницы», или пятнадцатилетний парнишка Косыка, которого товарищи стригут по линейке и карандашной черте на лубу...

Трудно определить словами чувство меры, заключающееся иногда просто в умении поставить во время точку и перейти к следующему эпизоду, ощущается у М. Коршунова и в жилых, коротких диалогах ребят из рассказа «Чудище водяное», и в пристоте, которой написан рассказ «Пес Мальши» (а сколько уже написано о шенках и собаках!..).

Стремление передать увиденное строго отобранными средствами, через одну-две яркие детали, на мой взгляд, — одно из положительных качеств М. Коршунова. Надо сказать, что в этом отношении в его рассказах немало хороших авторских находок.

Так одной короткой репликой «Я пошел домой... Мне обедать нужно!» сразу намечается образ испугавшегося ответственности трусликни. Никиты в рассказе «Косынина прическа». Так становится ясно, что делал в поле бригадир в рассказе «Ясные криницы» (он прикрывает девочку пиджаком, и она видит во внутреннем кармане колосок пшеницы, лупу, складной метр). Так передано растущее чувство тревоги во время грозы в рассказе «Сережка», когда после у dara грома «в часах проягно и грустно запела пружина», или дан пейзаж утренней реки, когда песок на берегу «холодный темный», а утром «прозрачный, точно самоварных дымок»...

Не все в рассказах М. Коршунова равнозначно. Есть у него и срывы и скороговорка, нет-нет и прозвучат интонации, подражательные Гайдара, может быть, Каверины (в рассказе «Гость»). Но, повторяю, недостатки заслоняются искренностью и свежестью авторского голоса и зоркостью глаза. И это делает читателя право-жаждат от М. Коршунова новых интересных произведений.

А. ПЕРФИЛЬЕВА

Большая взыскательность

Больше двух лет тому назад мне довелось прочесть первую пьесу новосибирца Виктора Лаврентьева «На просторах». Тогда это была еще рукопись. В ней сразу привлекла струстия, занятые описанием инстанций, с которой автор рассказывал о борьбе колхозников против искусственного «выправления» одиночек-рекордистов. В пьесе жили своеобразные люди, и следить за ними было по-настоящему интересно. Многое в произведении — растянутость действия, отсутствие четкой композиции, стремление поставить все точки над «и», — говорило о неопытности автора, о том, что он не овладел еще мастерством. Однако нетрудно было увидеть и ценные «зерна», услышать голос одаренного писателя.

Позже пьеса «На просторах» была опубликована в журнале «Сибирские огни», а сейчас вместе с пьесой «Крикун» под новым названием «Две правды счастья не ждят» составила первую книгу писателя, изданную Новосибирским областным издательством.

Может быть, и не стоило вспоминать о первом знакомстве с пьесой «На просторах», если бы при новой встрече с ней не обнаружилась глубокая, по-настоящему взыскательная работа молодого автора над своим произведением. В. Лаврентьев решительно вычеркнул лишние сцены, добавил передней логики и психологической оправданий в поступках героев, стремился ярче, крупнее показать борьбу характеров. И одной из главных причин плодотворности его работы, по-моему, явилось то, что драматург перевел произведение в трудный, но ясный жанр комедии.

Природа жанра потребовала соответствующих комедийных характеров, более остrego действия, более меткого слова. Все это было на пользу пьесе. Активнее, решительнее стали основные положительные герои. Поэтому и конфликт пьесы приобрел большую действенность.

«Крикун» — произведение более фундаментальное, охватывающее почти двадцатилетие. От кануны революции 1905 года, через годы реакции к победе Октября и событиям гражданской войны прошли герой пьесы. И можно понять всю сложность задачи автора, попытавшегося проследить на таком большом отрезке времени судьбы людей. Но во всем драматург добился удачи. Иногда движение образа, его обогащение новыми чертами прерывается где-то в середине пьесы. Но в пьесе действуют живые, понятные люди, за делами и мыслями которых стоят разные поколения, разные общественные силы. Социальное существо героя раскрывает, рисуя индивидуальный характер, — вот почему драматург с таким вниманием вглядывается в сложные движения души и сердца человека. Вот почему мы взывались следом за глубокой драмой Михаила Крижевского (этот самый сильный образ пьесы), понимая его человеческую тревогу, сомнения, гнев.

Первая книга В. Лаврентьева показала нам драматурга, не только способного, но и требовательного, тщедуального. Хочется надеяться, что к работе над новыми произведениями он подойдет с той же художественной взыскательностью, которую проявил, выпуская в свет свой первый сборник.

Н. ИГНАТЬЕВА

Авторам первой книги посвящена эта страница.

Ясность цели, глубокая правдивость и жизненность, смелость в постановке актуальных тем, боевой задор — вот что создает ощущение молодости в лучших книгах, находящих путь к сердцу читателя.

Первая книга — это своеобразный «аттестат зрелости», с которым входит молодой писатель в литературу. Радостно, когда первому же опыту сопутствует большой успех. Но не всегда этот аттестат достоин золотой медали — начинающий автор должен быть готов выслушать и критические замечания в свой адрес. Чем требовательнее и заботливее оценена первая книга, тем больше уверенности и читателей у автора, что вторая будет ярче, значительнее, глубже по мастерству. Шире же дорогу молодым литературным силам, больше внимания и заботы о них, больше требовательности и заинтересованности в их творческом росте!

Освоение темы

«Океанский патруль» — первое произведение молодого писателя В. Пикиу, одного из тех, кто с оружием в руках отставал от гитлеровцев иконные русские земли на севере страны.

В лучших страницах книги высокая романтика патриотического подвига соединяется с будничной правдой человеческих характеров простых тружеников войны. Взволнованность и яркость непростых рассказов очевидца сочетаются с зоркостью психолога, с умением отобрать материал, скато и экзомично вести повествование. Такова первая часть. Рассказ о том, как «Аскольд», вчерашнее рыболовное судно, превращается в боевой корабль, как мужчина и закалывается в жестоких схватках с врагом его команды, принадлежит к числу самых удивительных. Романтический патрульный бригада он переходит в торговлю, становится инициатором создания бригады из опытных охотников на зверя, охотящихся на зверя, изменив свою методику. Сюжеты, плавно вовлекающие читателя в жизнь, вновь и вновь убеждают в заслугах героя, участвующего в боевых действиях. Таковы первые страницы.

Действия героя и тот фон, на котором они происходят, кажутся настолько естественными, что вспоминается, что за страницами магазина течет яркая и веселая жизнь, а дальше этой жизни так и остается за страницами. Из всех значительных событий, которые происходят в мире, персонажи повести отыскиваются только на одно, связанные с их профессией, — сплошное цеплять.

В повести есть многое удачных сцен, куклов, глава Ильи Башинкова — молоденькая девушка, почти девочка, рабыня, застенчивая и в то же время насыщенная большой внутренней силой, которая видна во всем — проявляется в ней со временем. Такова Елена отчаянная Настенька, — блестящая работница, но человек не очень разборчивый в своих моральных убеждениях. Труды путем приходит к пониманию норм социалистического общества. Интересен и глубок образ охотника-рыбака Сюргутовой.

Есть в этой повести еще одно доброе качество. Илья Аргунова сумела за внешнюю сущью прозрачности труда своих героев разглядеть скрытую в нем (как во всем другом труде, одушевленном заботой о человеке) позицию.

В повести есть много удачных сцен, куклов, глава Ильи Башинкова — молоденькая девушка, почти девочка, рабыня, застенчивая и в то же время насыщенная большой внутренней силой, которая видна во всем — проявляется в ней со временем. Такова Елена отчаянная Настенька, — блестящая работница, но человек не очень разборчивый в своих моральных убеждениях. Труды путем приходит к пониманию норм социалистического общества. Интересен и глубок образ охотника-рыбака Сюргутовой.

Так обещающая рукопись, превратившись в книгу, оказалась менее интересной, хотя ни мастерства, ни таланта у автора не стало меньше.

Думается, что опыт с первой книгой Ильи Аргуновой выходит из магазина, то только на машинальный завод, где делятся с работниками своими замечаниями относительно

событий, которые происходят в мире, персонажи повести отыскиваются только на одно, связанные с их профессией, — сплошное цеплять.

Но Илья Аргунова удается спастись. И несмотря на кажущуюся невероятность, эта история удивительна, так как автор показал мужество и страстную любовь к жизни советского бойца. Но Илья Аргунова появляется в дальнейшем всего три-четыре раза, и изолированы от остальных за страницами. Из всех значительных событий, которые происходят в мире, персонажи повести отыскиваются только на одно, связанные с их профессией, — сплошное цеплять.

Поэтому Пикиу удается спастись. И несмотря на кажущуюся невероятность, эта история удивительна, так как автор показал мужество и страстную любовь к жизни советского бойца. Но Илья Аргунова появляется в дальнейшем всего три-четыре раза, и изолированы от остальных за страницами. Из всех значительных событий, которые происходят в мире, персонажи повести отыскиваются только на одно, связанные с их профессией, — сплошное цеплять.

Но Илья Аргунова удается спастись. И несмотря на кажущуюся невероятность, эта история удивительна, так как автор показал мужество и страстную любовь к жизни советского бойца. Но Илья Аргунова появляется в дальнейшем всего три-четыре раза, и изолированы от остальных за страницами. Из всех значительных событий, которые происходят в мире, персонажи повести отыскиваются только на одно, связанные с их профессией, — сплошное цеплять.

Но Илья Аргунова удается спастись. И несмотря на кажущуюся невероятность, эта история удивительна, так как автор показал мужество и страстную любовь к жизни советского бойца. Но Илья Аргунова появляется в дальнейшем всего три-четыре раза, и изолированы от остальных за страницами. Из всех значительных событий, которые происходят в мире, персонажи повести отыскиваются только на одно, связанные с их профессией, — сплошное цеплять.

Но Илья Аргунова удается спастись. И несмотря на кажущуюся невероятность, эта история удивительна, так как автор показал мужество и страстную любовь к жизни советского бойца. Но Илья Аргунова появляется в дальнейшем всего три-четыре раза, и изолированы от остальных за страницами. Из всех значительных событий, которые происходят в мире, персонажи повести отыскиваются только на одно, связанные с их профессией, — сплошное цеплять.

Но Илья Аргунова удается спастись. И несмотря на кажущуюся невероятность, эта история удивительна, так как автор показал мужество и страстную любовь к жизни советского бойца. Но Илья Аргунова появляется в дальнейшем всего три-четыре раза, и изолированы от остальных за страницами. Из всех значительных событий, которые происходят в мире, персонажи повести отыскиваются только на одно, связанные с их профессией, — сплошное цеплять.

Но Илья Аргунова удается спастись. И несмотря на кажущуюся невероятность, эта история удивительна, так как автор показал мужество и страстную любовь к жизни советского бойца. Но Илья Аргунова появляется в дальнейшем всего три-четыре раза, и изолированы от остальных за страницами. Из всех значительных событий, которые происходят в мире, персонажи повести отыскиваются только на одно, связанные с их профессией, — сплошное цеплять.

Но Илья Аргунова удается спастись. И несмотря на кажущуюся невероятность, эта история удивительна, так как автор показал мужество и страстную любовь к жизни советского бойца. Но Илья Аргунова появляется в дальнейшем всего три-четыре раза, и изолированы от остальных за страницами. Из всех значительных событий, которые происходят в мире, персонажи повести отыскиваются только на одно, связанные с их профессией, — сплошное цеплять.

Но Илья Аргунова удается спастись. И несмотря на кажущуюся невероятность, эта история удивительна, так как автор показал мужество и страстную любовь к жизни советского бойца. Но Илья Аргунова появляется в дальнейшем всего три-четыре раза, и изолированы от остальных за страницами. Из всех значительных событий, которые происходят в мире, персонажи повести отыскиваются только на одно, связанные с их профессией, — сплошное цеплять.

Но Илья Аргунова удается спастись. И несмотря на кажущуюся невероятность, эта история удивительна, так как автор показал мужество и страстную любовь к жизни советского бойца. Но Илья Аргунова появляется в дальнейшем всего три-четыре раза, и изолированы от остальных за страницами. Из всех значительных событий, которые происходят в мире, персонажи повести

ПОСЛЕ СГОВОРА В ЛОНДОНЕ

С неослабевающим вниманием обсуждаются широкие круги германской общественности новые советские предложения, одержавшиеся в речи товарища В. М. Модотова, произнесенной на торжественном заседании в Берлине 6 октября. Это и четко сформулированная перспектива мирного решения германского вопроса, произвела громадное впечатление на немецкий народ и другие народы Европы.

Отмечая широкую поддержку, которую встречает советская инициатива, корреспондент американской газеты «Нью-Йорк таймс» Уэлтон сообщает из Вашингтона: «Официальные лица признают, что видные группировки общественного мнения в Париже и Бонне кажутся предвыгодными предложениями относительно новой формы европейской безопасности, основанной на взаимопонимании или пакте с Советским Союзом».

Совсем нетрудно понять, почему «новая форма» общественной безопасности вызывает большую симпатию в Западной Германии. Для этого достаточно вспомнить, какую жажду участия суть населению бонской республики лондонские решения. По составленному в Лондоне плану, Германия до конца вынешнего столетия должна оставаться разорванной на две части. Несмотря на все разговоры о «сувенирите», западная часть страны обрекается на положение полукультурной территории. Как участники агрессивной группировки западных держав, она фактически лишается права проводить национальную политику.

Создание полуимперии армии, чего добиваются западногерманские милиаристы, в этих условиях не только увеличило бы опасность новой войны в Европе, но и возложило бы непосильное бремя на трудащихся массы. Люссельдорфская газета «Хандельсблэт» подсчитала, что лишь для первоначального вооружения Западной Германии, не считая расходов на содержание иностранных войск, потребуется в течение первых трех лет 100 миллиардов марок! Понятно, что они будут взяты главным образом из того же кошелька западногерманского налогоплательщика. Как это было и при Гитлере, создание массовой армии неминуемо отвергнет мирной жизни и производительного труда цвет западногерманской молодежи. Английская газета «Файнэнцтаймс» в связи с этим сообщает, что баварские правящие круги уже задумываются о организации ввоза рабочей силы... Италия, чтобы таким образом заменить тех немцев, которых наелут солдатскую пиченье...

Планы милитаристов вызывают глубокое возмущение в трудовых слоях населения. В Западной Германии растет широкое движение против ремилитаризации, за восстановление единства страны, за решение германского вопроса на демократических и миролюбивых началах. И не случайно английская консервативная газета «Обсервер», ярая поборница лондонских решений, предостерегает западных политиков от попыток игнорировать настроения немецкого народа, стремящегося к национальному единству. «Западные державы», — встременно пишет «Обсервер», — должны в ближайшее время вновь обдумать, какими должны быть их условия в отношении единства Германии.

Лондонские решения имеют целью затруднить или сделать невозможным соглашение по германскому вопросу, закрепить раздел Германии, превратить ее западную часть в пландар для американских авантюристов. Немецкий народ отдает себе отчет в пагубности того пути, на который его толкают правящие круги западных держав. Все немецкие патриоты осуждают политику восстановления германского милитаризма. Застава трудащихся Германской Демократической Республики пойдет в избирательных урнах, чтобы выразить свою волю к борьбе за мир, за воссоединение Германии на мирной и демократической основе, за создание действенной системы коллективной безопасности в Европе.

Л. МАКСИМОВ

КАК МИСТЕР ВИЛЬСОН ОСКОРБИЛ АМЕРИКАНСКИХ БЕЗРАБОТНЫХ

«...Мне всегда больше нравились охотничьи собаки, чем комнатные собаки, те, которые рыскают и охотятся за пищей, а не сидят на своих задах и скуются».

Из стенограммы выступления министра обороны США Вильсона, опубликованной американским агентством Юнайтед Пресс.

Те, кого м-р Вильсон осмелился цинично назвать «комнатными собаками»

Американские безработные в очереди за благотворительным «супом». Время и место действия: 1954 год, город Кантон (штат Огайо).

Снимок из американской газеты «СНО ньюс»

В ходе развернувшейся в США кампании по выборам в конгресс члены республиканского правительства и лидеры республиканской партии всячески стараются убедить американский народ в том, что никакого кризиса в США нет, что «слад» если и был, то теперь остановлен, и что иные, как заявил не так давно президент Эйзенхаузер, «перспективы хороши».

Но жизнь беспощадно разоблачает эту превыворочную демагогическую болтовню. 5 миллионов полностью и 10 миллионов частично безработных насчитывается сейчас в Соединенных Штатах, и число тех и других продолжает расти. Кризис охвачен угольной, судостроительной, текстильной, сталелитейной, автомобильной промышленностью, сельское хозяйство. Уровень жизни в стране непрерывно падает. Особенно бедствуют безработные, которые буквально голодают, не имея средств, чтобы прокормить себя и своих семейств.

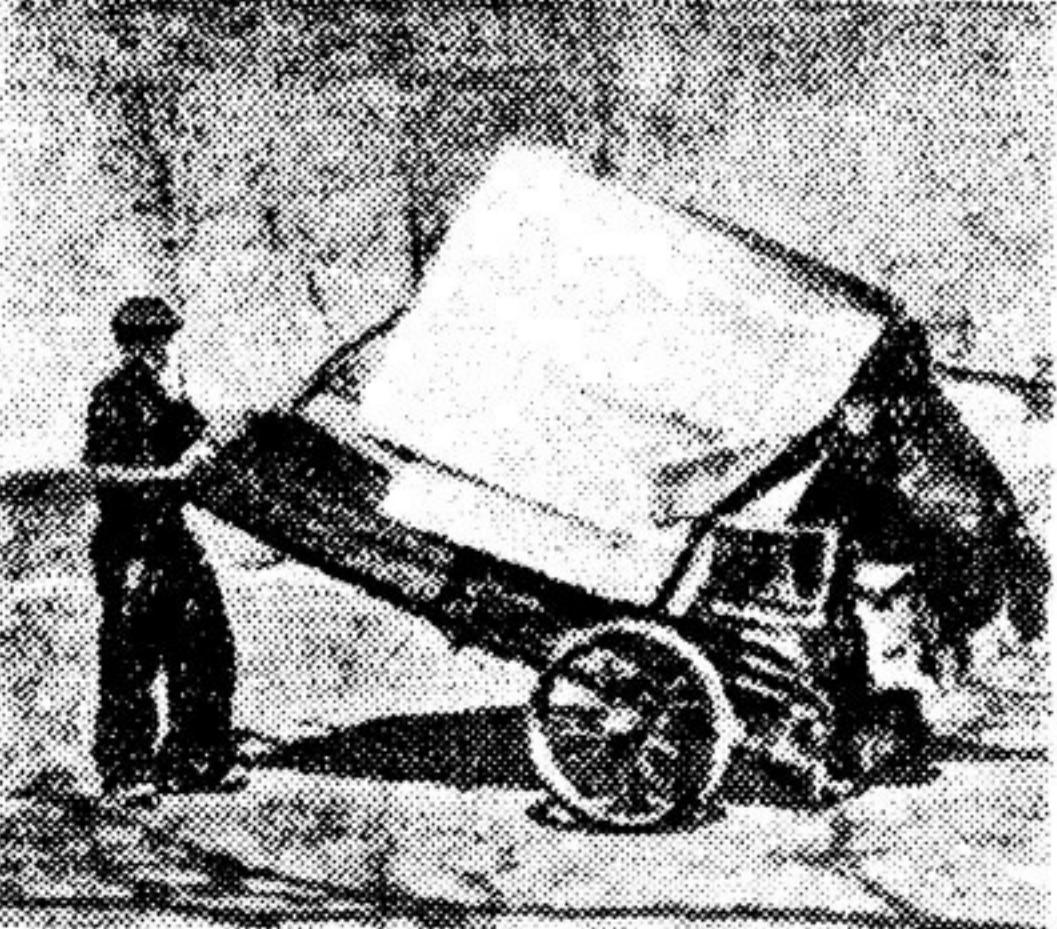
Известно, что против фактов спорить трудно. Но министр обороны США Вильсон, чтобы снять с республиканского правительства ответственность за непрерывный беспроцентный кредитование промышленности, заявил, что «самые безработные! Выступая 11 октября на пресс-конференции в Тайбэе, Вильсон заявил: он, конечно, «глубоко сочувствует безработным, так называемым «районах с излишком рабочей силы», но, продолжал он, ухмыляясь, «мы всегда больше нравились охотничьим собакам, чем комнатным собакам, те, которые рыскают и охотятся за пищей, а не сидят на своих задах и скуются».

Однако известно, что против фактов спорить трудно. Но министр обороны США Вильсон, чтобы снять с республиканского правительства ответственность за непрерывный беспроцентный кредитование промышленности, заявил, что «самые безработные! Выступая 11 октября на пресс-конференции в Тайбэе, Вильсон заявил: он, конечно, «глубоко сочувствует безработным, так называемым «районах с излишком рабочей силы», но, продолжал он, ухмыляясь, «мы всегда больше нравились охотничьим собакам, чем комнатным собакам, те, которые рыскают и охотятся за пищей, а не сидят на своих задах и скуются».

Известно, что против фактов спорить трудно. Но министр обороны США Вильсон, чтобы снять с республиканского правительства ответственность за непрерывный беспроцентный кредитование промышленности, заявил, что «самые безработные! Выступая 11 октября на пресс-конференции в Тайбэе, Вильсон заявил: он, конечно, «глубоко сочувствует безработным, так называемым «районах с излишком рабочей силы», но, продолжал он, ухмыляясь, «мы всегда больше нравились охотничьим собакам, чем комнатным собакам, те, которые рыскают и охотятся за пищей, а не сидят на своих задах и скуются».

Буро возмущения вызвала среди бедствующих безработицы и нищеты трудающихся Детройта эта нагло-оскорбительная вылазка Вильсона. В самом деле, какую безудержную презрение к нуждам своего собственного народа высказал американский министр, бывший президент богатейшей в Америке промышленной компании «Дженерал моторс», когда не постыдился сравнивать несчастных американских безработных с «собаками»!

Вылазка Вильсона была настолько дикой, что даже реакционные американские профсоюзы выступили с требованием, чтобы он «публично взял назад» свое заявление или «отошел от государственно-действенности». Главный пропагандист республиканской партии на предстоящих выборах, демократическая партия в свою очередь не замедлила использовать

Те, кого м-р Вильсон осмелился цинично назвать «охотничьими собаками»

Швейцарский журнал «Швейцер ильлюстриerte штейнтиг» опубликовал в свое время эту фотографию американского безработного по имени Отис Джевел, который был выбран из своего жилища и в поисках работы блуждал по США с одного места на другое, перевозя весь свой скарб на импровизированной повозке.

Несенная прямо и без недомолвок. Грозная, опешомляющая правда.

Поразительное все-

го было то, что автор,

но подлинный персо-

нажий свой собственной воле, не застывал их никого поступать вопросы их при-

роде, так, как это угодно ему, автору, умел изображать их в самые характерные мо-

менты для того, чтобы раскрыть свое по-

нимание жизни. Тенденциозность, осуж-

денная всей буржуазной эстетикой, в этих

произведениях была очевидной и несмо-

нено, и тем не менее эта тенденциозность не только ничуть не вредила (как

пишут в буржуазных книгах) великой

художественной красоте произведения и

его литератуциальному совершенству, но при-

давала ему глубокий смысл.

Был достигнут этого русские писате-

ли — спрашивали мы спрашивали я себя.

И только после 23 августа 1944 г., когда я стала знакомиться с советской лите-

ратурой и с ленинскими принципами, отвел я этот вопрос для моих друзей.

Этот могут достичь только те ху-

ложники, чьи передовые убеждения на-

столько могущественны, что они составля-

ют одно целое со всей их духовной сущ-

ности.

Русские писатели казались мне совсем

совсем иными, чем другие. Я попыталась

определить это «иное». В центре внима-

ния русской литературы был человек,

и человек был в центре внимания и

многих других литератур. Какой же

человек? Обыкновенный, простой. Это,

повинному, может в значительной степе-

ни обладать то особое чувство, которое

всегда вспыхивает в нем, когда ты

читаешь Толстого или Горького, Чехова

или Гоголя... Это какое-то притяжение,

какая-то сила, которая захватывает тебя

и не выпускает, преследует тебя, волнует

твою душу, непрерывно будоражит твой

ум и сердце, как неутомимый плуг, кото-

рый все время извлекает из твоей глубины

на поверхность что-то новое, чего ты сам

не подозревал в себе...

И правда, человеческая правда, произ-

вается, как скрывание от него жизни, и он может

дерзнуть смотреть на нее смело, проника-

ть до глубины...

чувствовать, как перед его испытующим

взором падают туманные завесы, частично

скрывающие его лицо, и он может

дерзнуть смотреть на нее смело, проника-

ть до глубины...

Советская литература возникла и раз-

вивалась на основе всей традиции рус-

ской классической литературы. Любимы

и в наше время, как это угодно ему,

автору, умел изображать их в самые ха-

рактерные моменты для того, чтобы раскрыть свое по-

нимание жизни. Тенденциозность, осуж-

денная всей буржуазной эстетикой, в этих

произведениях была очевидной и несмо-

нено, и тем не менее эта тенденциозность

не только ничуть не вредила (как

пишут в буржуазных книгах) великой

художественной красоте произведения и

его литератуциальному совершенству,

но придавала ему глубокий смысл.

Однако эти достижения были не для

всех. Для многих из них были

одни из самых ярких представителей

советской культуры, а для других —

одни из самых ярких представителей

советской культуры.

И это неудивительно, потому что

советская культура

была создана

для всех, а не для

одних.

И это неудивительно, потому что

советская культура

была создана

для всех, а не для

одних.

И это неудивительно, потому что

советская культура

была создана

для всех, а не для

одних.

И это неудивительно, потому что

советская культура

была создана

для всех, а не для